

ЦЕРКОВЬ ВЪ ЕЯ ИСТОРИЧЕСКОМЪ ИСПОЛНЕНІИ *)

I.

Насколько осуществила Церковь свою миссію въ исторіи? Чего больше у нея; побѣдъ или пораженій? На этотъ вопросъ нельзя отвѣтить ариѳметически точнымъ, бухгалтерски обозримымъ итогомъ.

Какъ и евангельская исторія, исторія церкви скорѣе является внѣшнему глазу въ образѣ трагической *неудачи*, *пораженія*. Побѣды ея можно видѣть скорѣе только очами вѣры и надежды въ перспективахъ эсхатологическаго оптимизма. Не надо забывать объ этой положительной, торжествующей сторонѣ эсхатологіи. Какъ евангельская, такъ и церковная исторія — существенно *кенотичны*, протекають въ смиренномъ, «рабьемъ зракѣ» (Филип. 2, 7). Ища въ нихъ однихъ триумфовъ славы Божіей, можно быть наказаннымъ за такую наивность разочарованіемъ невѣрія.

«Христіанство не удалось!» — такова формула нѣкоторыхъ изъ русскихъ интеллигентскихъ искателей истины, наспѣхъ опредѣлившихъ успѣхи и неуспѣхи церкви въ исторіи. Эта формула — грубая ошибка, если ее взять съ тѣмъ позитивистическимъ смысломъ, какой вложенъ въ нее ея авторами. Но она свидѣтельствуетъ о какомъ то невыгодномъ внѣшнемъ впечатлѣніи отъ исторіи церкви и звучитъ намъ — сынамъ церкви укоромъ и предостереженіемъ противъ нашей самомнительной гордыни.

Есть двѣ причины кенотическаго вида всей исторіи: и библейской и церковной. Есть *кеносисъ*, такъ сказать, *законный* и есть другой — *беззаконный*. Первый — отъ самой сущности «Божія снисхожденія», отъ уничиженнаго вида хране-

*) Докладъ, прочитанный на англо-русской конференціи въ Хай-Ли 24 іюня 1934 г.

ніа божественнаго откровенія въ невѣдомыхъ міру шатрахъ патріарховъ — кочевниковъ, затѣмъ въ жалкомъ маленькомъ народцѣ, попираемомъ гордыми имперіями Древняго Востока, вплоть до уничиженнаго явленія Сына Человѣческаго. Другой источникъ кеносиса, вносимый въ исторію откровенія грѣшной человѣческой волей. Это кенотика грѣха, не имѣющая оправданія. Въ ней мы чувствуемъ себѣ виновными, какъ участники исторіи церкви. Поэтому неудачи церкви, отвѣтственными за которыя являемся мы, должны быть нелицеприятно признаны. Исправленія ихъ должны быть поставлены на очередь дня, какъ боевыя задачи воинствующей церкви.

Каковы же удачи и неудачи церкви въ самыхъ общихъ чертахъ?

Миссія первохристіанской Церкви — одно изъ чудесъ исторіи, безспорная «побѣда побѣдившая міръ» (I Ин. 5, 4) побѣдили не владыки міра, не *imperium romanum* и эллинская философія, а нѣкое «ничто», вчера еще не существовавшее: маленькая секта маленькаго племени. Не мощь государства, а «бесиліе» крови мучениковъ. Черезъ крещеніе греко-римской націи и ея духовныхъ наслѣдниковъ — европейскихъ народовъ къ христіанству перешла гегемонія въ міровой культурѣ вплоть до нашихъ дней.

Но намъ ясны и предѣлы этой побѣды, и ея *незавершенность*. Даже изъ народовъ, втянутыхъ въ орбиту греко-римской гегемоніи, далеко не всѣ и не цѣликомъ христіанизовались. И изъ нихъ огромныя массы вскорѣ отпали, измѣнили христіанству съ приходомъ Ислама. Да и вообще греко-римскій универсализмъ, фактическая «вселенскость — экуменичность» древней церкви были лишь символическими, субъективными. Объективно внѣ ихъ миссіонерскаго горизонта оставалось количественное большинство человѣческаго рода, цѣлый океанъ цвѣтныхъ расъ. Только новые вѣка европейской исторіи и особенно XIX вѣкъ съ его миссіонерскимъ активизмомъ, съ переводами св. Писанія болѣе чѣмъ на 400 языковъ, впервые охватили проповѣдью христіанства весь земной шаръ. Но тутъ еще рѣзче обрисовался предѣлъ миссіонерскихъ побѣдъ. А именно — сопротивленіе главнымъ образомъ древнихъ культуръ Азіи съ ихъ древними организованными религіями. Сопротивленіе, черпающее свою силу въ усвояемыхъ отъ христіанскихъ же народовъ методахъ организациі и самозащиты. Исламъ, буддизмъ, брахманизмъ, шинтоизмъ и другія формы натуральныхъ религій держатъ въ своей власти цѣлый миллиардъ, т. е. двѣ трети населенія земного шара и *только одна треть* его (около 600 милліоновъ) принадлежитъ христіанству. Этотъ показательный статистическій фактъ, при всей

широтѣ миссіонерскихъ побѣдъ церкви новыхъ временъ сравнительно съ классической эпохой греко-римской имперіи, не позволяетъ намъ впадать въ наивное самообольщеніе и успокаиваться на томъ, что церковь уже «научила всѣ народы» (Мѡ. 28, 19), «до краевъ земли» (Дѣ. I, 8), «проповѣдала евангеліе всей твари» (Мр. 16, 15). Лишь въ настоящее время съ безжалостной ясностью стало видно, какъ мы *еще далеки отъ цѣли*. Реальное, а не символическое только «наученіе всѣхъ народовъ» есть подвигъ, почти неосуществимый въ обозримой перспективѣ времени. Милліардная толща нехристіанскихъ народовъ Азіи становится тѣмъ болѣе непроницаемой твердой, что господствующій атеизмъ когда то христіанскихъ европейскихъ націй изнутри подрываетъ ихъ миссію.

Также лишь въ новѣйшее время обрисовалась вся серьезность еще одной преграды для полноты миссіонерскихъ побѣдъ. Внѣшне эта преграда можетъ показаться тонкой, но качественно она — непробиваемая броня. Это — іудаизмъ, Израиль. Количественно небольшой народъ, по своимъ фактическимъ силамъ и значенію онъ — великая міровая нація. Свою особность она базируетъ на своей религіи и въ этомъ качествѣ противопоставляетъ себя всѣмъ христіанскимъ миссіямъ. Не есть ли этотъ непроницаемый для христіанства фронтъ только послѣднее внутреннее сопротивление Савла — имѣющему завтра явиться Павлу? Когда то Павлово пророчество о спасеніи Израиля должно же начать исполняться? Но пока было бы слѣпотой не учитывать іудейства, какъ ярко обозначеннаго предѣла міровой миссіи церкви. И, можетъ быть предѣла болѣе показательнаго, чѣмъ вся толща ислама, буддизма и язычества. На внѣшнихъ вѣсахъ исторіи тутъ явный неуспѣхъ церкви. Будемъ вѣрить — до времени.

Отъ миссіонерскаго вопроса, который представляется количественнымъ, перейдемъ къ вопросу чисто качественному.

Успѣшно ли совершено и совершается строеніе и устроеніе церкви видимой — «единой, святой, каѳолической и апостольской»? Отъ дней Пятидесятницы очамъ вѣры открытъ реальный фактъ явленія въ мірѣ мистическаго тѣла Христова, какъ общества святыхъ, духовно «новой твари во Христѣ» (Гал. 10, 15). Но достаточно ли мы строили на этомъ основаніи, хорошо ли сѣяли, насаждали и поливали» (I Кор. 3, 6-8)? Явили ли міру достойные плоды этого мистическаго союза любви въ достиженіяхъ братолюбія? Вѣдь взаимная любовь христіанъ это существенный признакъ, по которому Господь опредѣлилъ узнавать Его учениковъ (Ин. 13, 35). Между тѣмъ нехристіанскіе народы видятъ въ насъ преимущественно носителей вражды, насилій и войнъ, а предъ фактомъ конкури-

рующихъ христіанскихъ исповѣданій останавливаются съ укоромъ, справедливо находя его противорѣчащимъ евангелію. Въ самомъ дѣлѣ: не есть ли неспособность христіанскаго челоѣчества *сохранить* и укрѣпить *единство церкви* одна изъ грандіозныхъ *неудачъ* христіанства? Пораженіе, въ свою очередь являющееся источникомъ новыхъ слабостей и новыхъ пораженій церкви. Явное безсиліе въ религиозной любви (Ин. 13, 35). Не вмѣстили христіане вселенской широты церкви, стоящей выше «іудея и эллина», «плоти и крови», расъ, языковъ и культуръ. Націи и языки, «плоть и кровь» одолѣли духъ единства. Церковь распалась по гранямъ различныхъ культуръ, расъ, языковъ. Почтенныя попытки Рима и Константинополя сберечь единство Церкви на схемѣ латинизма или эллинизма оказались внутренне страдающими той же раздѣляющей узостью національныхъ умонастроеній. Очевидно для воссозданія единства церкви *нужна болѣе широкая схема*, любовно возвышающаяся надъ неизбежнымъ разнообразіемъ переживаній и пониманій христіанства разными народами. Нуженъ ключъ болѣе, благодатной любви Христовой къ секрету единства въ разнообразіи. Вмѣщеніе *разнообразія въ единствѣ* есть одна изъ величайшихъ тайнъ твореній. Безъ сомнѣнія и — «новаго творенія» — Церкви, Царства Божія.

Грѣхъ раздѣленія Церквей, подрывающей силу церкви, становится особенно вопіющимъ въ наше время. Стремительно растущая быстрота всевозможныхъ сообщеній и связей превратила уже весь земной шаръ въ единый клубокъ общей жизни и даже мечтаетъ вырваться за его предѣлы, въ космическое пространство. Не только хозяйство, техника, быть, но даже ходячія идеи стали интернаціональными. Всѣ активныя силы, въ томъ числѣ и злыя, антихристіанскія, спѣшатъ организоваться въ міровомъ масштабѣ, какъ любить выражаться большевики, — «планетарно». Христіанству уже противопоставленъ единый міровой антихристіанскій фронтъ. Христіанство съ его плачевнымъ раздѣленіемъ Церквей и дробленіемъ на враждующія секты, является отсталымъ, старомоднымъ, плохо вооруженнымъ для самозащиты въ новѣйшей обстановкѣ, тѣмъ болѣе для наступленія. Вмѣсто вселенскости, которую оно же первое провозгласило оно страдаетъ поработченностью множеству замкнутыхъ партикуляризмовъ. Церкви часто являютъ ликъ не вселенскій, а провинціальный, уѣздный. Трагедія раздѣленія церквей особенно остро чувствуется въ настоящее время, и проблема воссоединенія диктуется повелительно. Единство церкви не есть только мистическая цѣль въ себѣ, «да вся едино будутъ»

(Ин. 17, 21), но и средство, *орудіе* успѣшнаго выполненія Церковью ея историческаго дѣланія: *устроенія царства Божія, христіанизациі* всей жизни, покоренія всего подъ ноги Царя — Христа (I Кор. 15, 24-28).

Преуспѣваетъ ли Церковь въ этомъ? Царствуетъ ли она въ дѣлахъ и начинаніяхъ общечеловѣческихъ? Стоитъ только поставить этотъ вопросъ, чтобы страшно стало на него съ откровенностью и прямою отвѣтностью. Отвѣтъ долженъ быть данъ отрицательный. *Церковь* не приобрѣла, а къ нашему времени *утеряла* колоссально много — иногда кажется почти все — изъ того, чѣмъ она владѣла въ древности и въ средніе вѣка. Побѣдивъ духовно греко-римскую Имперію и за ней всѣ европейскія націи и ихъ государственность, церковь продолжала величественную работу теократическаго преображенія въ своемъ духѣ всей культуры этого цѣлаго міра націй. Дала ему первенство на земномъ шарѣ и сама внѣшне оперлась на это первенство въ своей міровой миссиі. Но весь этотъ европейско-христіанскій культурный міръ съ нѣкотораго времени (условно съ эпохи Возрожденія) внутренне измѣнилъ Церкви. *Произошло великое отступленіе*, утрата вѣры въ христіанское откровеніе. Міръ передовыхъ націй быстро дехристіанизировался. Руководящей религіей его стало нѣкое новое свободомыслящее язычество или убѣжденная безрелигіозность. Здѣсь, въ этой катастрофѣ паганизациі бывшаго христіанскаго міра мы должны указать *главную неудачу церкви въ исторіи*. Ушла изъ подъ ногъ почва вѣры въ Христа и авторитетъ Церкви, на которой прежде строилась упрощенная теократическая христіанизациія жизни. Теперь не на чемъ созидать Градъ Божій. Пути къ внѣшней теократіи закрыты. Недостроенная теократія даже не разрушена (хотя во время безбожныхъ революцій и оскверняются алтари), а просто разлетѣлась какъ мечта, растаяла какъ облачный замокъ. Церковь стала не всѣмъ: не центромъ, не вождемъ для челоуѣчества, а нѣкоторымъ меньшинствомъ, negliжируемымъ, иногда притѣсняемымъ и прямо гонимымъ. *Потеряна власть христіанства надъ творческими устремленіями народовъ*, надъ ихъ высшими организующими функциями: надъ государствомъ и культурой. Въ душахъ и большинства рядовыхъ людей, и массъ и элиты — творцовъ и вождей народовъ на первое мѣсто всталъ самоопредѣляющійся автономный челоуѣкъ, часто съ враждой отмечающій руководство Христа и Церкви. Но такъ какъ въ этой моральной области нейтралитетъ ни психологически, ни духовно не можетъ длиться, то на дѣлѣ, вмѣсто Христа-Царя, вмѣсто христіанской теократіи все время возрастаетъ напряженіе полярно противоположныхъ де-

монических силъ *антихристіанства, сатанократіи*. Революціонно волнующій въ настоящую минуту весь міръ соціально-экономическій вопросъ почти всецѣло захваченъ безбожными антихристіанскими руководителями. Церковь запоздало и бессильно старается принять участіе въ его разрѣшеніи. Вопросъ этотъ становится для Церкви не однимъ изъ частныхъ вопросовъ общественной морали, а вопросомъ универсальнымъ, центральнымъ или Церковь на немъ проявитъ свою теократическую силу и вновь обратитъ ко Христу сердца большинства своихъ крещенныхъ сыновъ съ ихъ страстнымъ и законнымъ желаніемъ общаго устроенія на землѣ, или ея участіе тутъ будетъ отвергнуто, и она понесетъ окончательное пораженіе, какъ сила общественно ненужная, какъ прибѣжище лишь личнаго, мистическаго благочестія.

Но соціально-экономическій вопросъ ни самъ по себѣ, ни въ планахъ церковной активности не можетъ быть вырванъ изъ его органической связи со всѣмъ цѣлымъ процессомъ культурно-историческаго строительства человѣчества. Нельзя церкви завоевать себѣ сколько нибудь значительную роль въ этомъ вопросѣ, не занявъ вліятельнаго положенія въ центральныхъ творческихъ позиціяхъ всей культуры. Иначе говоря — церковь должна себѣ вернуть утраченное ею теократическое положеніе. Не въ смыслѣ внѣшней власти — это архаическое пониманіе теократіи — а въ смыслѣ идеологическаго господства. Не безнадежно ли уже это для церкви среди народовъ бѣлой расы промѣнявшихъ христіанство на рационализмъ и атеизмъ, ведущій къ разложенію и гибели такой цивилизаціи?

Такъ трагично положеніе церкви въ исторіи переживаемаго нами времени.

II.

Каковъ будетъ историческій итогъ побѣдъ и пораженій, если мы эту мѣрку приложимъ къ Восточной Православной Церкви? Каковъ ея активъ и пассивъ?

Мы беремъ Восточную Церковь въ границахъ только Православія безъ отпавшихъ отъ него церковей монофизитствующихъ, несторіанствующихъ и униатскихъ. Мы говоримъ о блокѣ Православныхъ церковей, обнимающихъ въ общей сложности до 140 милліоновъ христіанъ. Если сравнимъ эту цифру съ 280 милліонами римско-католиковъ и 190 милліонами протестантовъ, то мы должны уже почувствовать, насколько это значительная, вѣская треть всего христіанскаго міра.

Что составляетъ главную похвалу этой церкви? То, что

она сохранила свою вѣру, свое благочестіе, свое богослуженіе, свою жизнь, почти въ томъ первобытномъ видѣ и духѣ, какъ они сложились въ первые три вѣка христіанства и во всякомъ случаѣ въ эпоху церкви древней, еще нераздѣленной, до IX вѣка. Нѣтъ церкви болѣе архаической, болѣе близкой къ самой колыбели христіанства, къ церкви палестинской, къ средѣ евангельской, чѣмъ церковь Восточно-Православная. Ея созерцательное, аскетическое благочестіе, ея культъ, гимнологія и молитвословія, вся религиозная «музыка души» у нея тѣ же самыя, какими жили еще праведники ветхозавѣтной іудейской церкви, принявшей Іисуса Христа: Симеонъ Богоприемецъ, Анна пророчица, Богоотцы Іоакимъ и Анна, Захарій и Елизавета, семья Праведнаго Іосифа и св. Дѣвы, свв. апостолы и всѣ первохристіане. Это атмосфера, родившая священныя писанія Новаго Завѣта. Это съ трудомъ искомое на Западѣ и искусственно, съ большими ошибками противъ подлинника, реставрируемое первохристіанство, церковь апостольская. Какъ путешественники въ св. землю вдругъ начинаютъ безъ книжныхъ ученыхъ комментариевъ понимать тысячи деталей библейскихъ, какъ въ бедуинскихъ шатрахъ Заіорданья находятъ нетронутый тысячелѣтіями бытъ евангельской Палестины, такъ и погружающіеся съ открытымъ сердцемъ въ духовную жизнь Православной Церкви западные христіане вдругъ обрѣтаютъ первобытное, кажущееся кое въ чемъ младенческимъ христіанство апостоловъ и древнѣйшихъ отцовъ и учителей церкви. Съ дѣтской евангельской вѣрой въ постоянную близость къ Богу, Христу, Богородицѣ, святымъ и ангеламъ, къ пророческимъ откровеніямъ, наяву и во снѣ, съ изобильными чудесами и исцѣленіями, съ одолѣніями бѣсовъ и «всей силы вражіей» (Лк. 10, 19; Мр. 16, 17-18). Съ благочестіемъ, живущимъ какъ бы внѣ времени и исторіи, внѣ земныхъ интересовъ созерцательно устремленнымъ черезъ непрестанныя молитвы и богослуженія въ церковь небесную, въ чаяніи скорѣйшаго конца времени и второго пришествія Господа. Церковь «отсталая» въ своемъ развитіи сравнительно съ церквами Запада, не послѣдовавшая за ихъ «новизнами» и больше всего отрекающаяся въ своихъ догматахъ и канонахъ отъ всякихъ «новизнъ» (καινοτομίαι). Но не музейная окаменѣлость, или дегенеративная реакція, подобно евіонитству. Нѣтъ, это живая въ своемъ ревнивомъ консерватизмѣ рѣка благодатной полноты христіанской жизни, раждающая внутреннее ощущеніе единства сознанія нашего съ нашими апостольскими праотцами. У насъ одна съ ними любовь къ Господу, одно эсхатологическое желаніе «разрѣшиться и быть со Христомъ» (Фил. 1, 23), же-

ланіе мученичества за Христа, если не въ прямомъ видѣ, то въ преображенномъ видѣ новыхъ мучениковъ-аскетовъ, «ради Христа распявшихъ плоть свою со страстями и похотями» (Гал. 5, 24). Ни въ одной западной церкви не звучитъ такъ первобытно этотъ *античный христіанскій мотивъ мученичества за Христа*. Черезъ ежедневныя памяти святыхъ и мучениковъ по церковному календарю и тексту богослужбныхъ «миней» (службъ святымъ) мы привлекаемся непрестанно къ идеалу мученичества и распятія за Христа, къ идеалу страдающаго героизма первохристіанской эпохи.

Но этсть первохристіанскій консерватизмъ православія не исключаетъ, а включаетъ въ себя всѣ плоды творчества золотого вѣка греческаго святоотеческаго богословія и литургики, — эпохи семи вселенскихъ соборовъ нераздѣленной еще древней церкви. Завершилась эта эпоха кровавой столѣтней борьбой (726-843) съ новыми гонителями-императорами иконоборцами и вольнодумными политиками, насильниками надъ церковью. Въ мартѣ 845 г. императрица Феодора возвратила миръ церкви, миръ новымъ мученикамъ и восстановление иконъ. Это «торжество православія», ежегодно повторяющееся въ нашей церкви въ 1-ое воскресеніе великаго поста, переживается каждый разъ съ живостью, какъ будто это вчера одержанная побѣда надъ гонителями церкви, а почитаніе иконъ и монашества вновь оживляется, какъ будто это мученическіе трофеи одержанной побѣды. Вотъ почему антикультовый и антиаскетическій духъ реформаціи такъ чуждъ православію.

Отъ твердаго сознанія себя вѣрной хранительницей вѣры, литургики, жизненнаго уклада и аскезы первохристіанства, Православная Церковь живетъ въ полномъ *догматическомъ покоѣ*. Ей чужды тревоги за подлинность своей догматики, каноники, литургики. Между сегодняшнимъ ея днемъ и вчерашнимъ не лежитъ никакихъ революціонныхъ пертурбацій. Изъ XX вѣка, она непосредственно смотритъ въ IX-й и утверждаетъ тожество своего самосознанія сегодняшняго дня съ своей античностью. Она не исказила вѣры.

Эта чистота древне-церковной вѣры — *главнѣйшая побѣда* Православной Церкви надъ искушеніями времени.

Параллельна и совершенно аналогична этой побѣдѣ другая внѣвременная побѣда Православія — въ неоскудѣвающимъ *явленіи и прославленіи въ ней святыхъ*, — убѣдительныхъ свидѣтелей изобилія даровъ благодати Духа Святаго, въ ней присутствующихъ.

Успокоенная внутренно на этихъ двухъ побѣдахъ, т. е. на обладаніи догматической непорочностью и дарами свято-

сти, Православная Церковь сознаетъ и свои историческія *пораженія*. Они связаны съ ея національной судьбой.

Православная Церковь не выработала для своего историческаго существованія достаточно независимой отъ націи и государства организаціонной формулы. Она довърчиво влилась со времени Константина Великаго въ форму бытія поздне-римской (фактически греческой) націи и имперіи и чрезъ это стѣснила свои сверхнаціональныя, канолическія миссіонерскія достиженія. Отталкиваніе отъ греческаго націонализма и имперіализма было важнѣйшей причиной отпаденія отъ единства Церкви въ древности, по поводу догматическихъ споровъ, цѣлаго ряда національныхъ церквей: армянской, сирійскихъ, коптской и эфиопской. Это же отталкиваніе породило въ лонѣ самой православной церкви вѣковую борьбу съ церковью греческой ея миссіонерскихъ дочерей за ихъ каноническую независимость отъ грековъ. Боролись съ греками отъ древнихъ временъ до нашихъ дней, съ разной степенью огорченій и ожесточеній, не только канонически, но иногда и вооруженно, грузины, болгары, сербы, русскіе, румыны, арабы. Спасался этимъ цѣнный принципъ національныхъ, мѣстныхъ церковныхъ свободъ. Но въ эти отвоеванныя автокефаліи влился и вѣковой осадокъ взаимныхъ отчужденій, *лишающій* Восточную Церковь ея *живого единства*. Автокефальныя церкви общаются между собой въ еще болѣе слабой степени, чѣмъ самыя націи и государства. Вопросъ объ ихъ сближеніи и соборной коопераціи есть больной и очередной вопросъ настоящаго момента.

Тѣсная сопряженность Восточной Церкви съ судьбой византійской націи и культуры, побѣжденныхъ и ослабленныхъ Исламомъ, повлекли за собой и великое *оскудѣніе* въ Православіи. Границы распространенія церкви сузились, милліоны были омусульманены. Заботы православныхъ грековъ свелись къ задачамъ сохраненія остатковъ эллинства. Всякіе помыслы о миссіонерскомъ расширеніи православной Церкви угасли. Греческая Церковь ихъ забыла. Изъ Сарры рождающей она вновь обратилась въ Сарру бесплодную. Просвѣщеніе и богословское творчество понизились и пришли въ упадокъ. Монашество умалилось и захирѣло. Оскудѣли и прославленія святыхъ. Благолѣпіе храмовъ и культа утратило свою красоту, обнищало. Если бы не болѣе молодыя православныя церкви Балканскихъ странъ и въ особенности 100-милліонная церковь Русская, то великіе и древніе патріархаты греческіе и арабскіе — Константинопольскій, Александрійскій, Антиохійскій, Іерусалимскій составляли бы незначительную количественно археологическую рѣдкость. Вся

ихъ паства, взятая вмѣстѣ, едва превыситъ полмилліона, въ то время какъ многіе изъ 64 епархій Россіи имѣли въ своемъ составѣ два, три и четыре милліона православныхъ.

Это не ариѳметическое и статистическое преимущество русской церкви надъ чтимыми нами за древность, но ослабѣвшими греческими патріархатами. Это преимущество является одновременно и качественнымъ. Русская церковь въ составѣ восточныхъ православныхъ церквей играетъ *особую, исключительную роль*. Она является историческимъ и духовнымъ восполненіемъ колоссальныхъ потерь, понесенныхъ древнимъ греческимъ христіанствомъ. Она возстановливаетъ нарушенное завоевателемъ-Исламомъ равновѣсіе силъ Восточнаго Православія. Именно благодаря главнѣмъ образомъ *Русской церкви* не умерла, а ожила *миссіонерская работа православія на міровомъ поприщѣ*. Русская Церковь христіанизовала милліоны инородцевъ-финновъ, тюрковъ и монголовъ на своей территоріи въ Европѣ, на Кавказѣ и въ Сибирѣ. Весь сѣверъ Азіи крещенъ въ православіи русскими миссіонерами. Они дали примѣры героическаго апостольства и вынесли свѣтъ православія за предѣлы Россіи: на Алеутскіе острова, Аляску и во всю Сѣверную Америку, въ Китай, Корею и Японію, создавая всюду богослуженіе на мѣстныхъ языкахъ. Многіе изъ насъ питаютъ мечту, что если великіе народы Азіи (Китай, Японія) когда нибудь примутъ массовымъ образомъ христіанство, то это будетъ восточная православная форма христіанства и результатъ миссіонерскихъ усилій русской церкви. Залогомъ служитъ исключительный колонизаторскій и мирно-ассимиляторскій талантъ русскаго народа.

Вообще нужно признать, что въ русскомъ народѣ, въ *Россіи и ея Церкви Восточное Православіе* получило тотъ *біологическій резервъ*, который оно потеряло съ одряхлѣніемъ и угасаніемъ эллинской націи. Послѣ тысячелѣтія цвѣтенія на дрожжахъ греческой культуры, Православіе теперь проходитъ тысячелѣтіе возрожденія на основѣ новой, молодой жизне-способной, плодоносящей и также *всемирной русской культуры*. Даръ культурной всемирности не есть простое слѣдствіе государственнаго могущества, хотя и сопутствуется имъ обычно. Это — нѣкая духовная невѣсомость, придающая безспорное превосходство тому, кому она дана Провидѣніемъ. Она почти не поддается раціональному опредѣленію. Она больше всего проявляется въ очарованіи искусствъ, литературы, въ богатствѣ, силѣ, гибкости, тонкости и изяществѣ языка. Геній языка — это печать царственнаго избранія на челѣ народа. Русскій языкъ это не просто одинъ изъ славянскихъ. Нѣтъ, онъ языкъ *par excellence*. Онъ — изъ славянскаго матеріала

выкованный языкъ челоѣчества, равный другимъ всемірнымъ языкамъ, древнимъ и новымъ. Черезъ сознаніе этой исключительности, особой внутренней силы и пророческой правды нашего языка мы непоколебимо знаемъ о великомъ міровомъ призваніи нашей культуры и нашей церкви, матерински воспитавшей эту культуру. Говоря такъ, при наличности нашего большевицкаго уничиженія и позора, мы можемъ показаться юродивыми. Но неизвѣстный авторъ конца книги пророка Исаи, вѣщавшій о всемірной славѣ Сіона, въ то время какъ Израиль жалкими кучками плѣнниковъ сидѣлъ и плакалъ на рѣкахъ Вавилонскихъ, тоже вѣроятно казался смѣшнымъ. Часто «сила Божія въ немощи совершается» (2 Кор. 12, 9). И иногда приходится брать на себя «безуміе похвалы себѣ» (2 Кор. 11, 16.21), какъ Павелъ передъ коринѣянами, чтобы потрясти сознаніе слушателей, систематически затуманенное клеветами и предразсудками. А мы вообще утверждаемъ, что Россія и Русская Церковь въ сознаніи западно-европейскомъ исторически оклеветаны и искаженно представлены, особенно за послѣднія 150 лѣтъ, благодаря систематическому, пристрастному очерненію ихъ со стороны озлобленныхъ революціонныхъ эмигрантовъ — поляковъ, евреевъ и самихъ русскихъ. Приходится повертывать руль противъ этой застарѣлой кампаніи лжи.

Итакъ историческое *будущее Православія* впредь провиденціально связано съ *силами, заложенными въ Русской Церкви*. Расцвѣтъ этихъ силъ, котораго мы ждемъ особенно по освобожденію отъ насильственнаго ига безбожной красной диктатуры, несомнѣнно увлечетъ, какъ и до сихъ поръ увлекалъ, и всѣхъ другихъ нашихъ православныхъ братьевъ. Что Русская Церковь есть гегемонъ Православія, это знаетъ всякій, кто хотя однимъ глазомъ могъ наблюдать и сравнивать церкви Востока. Въ области благолѣпія и красоты церковнаго культа Русская Церковь уже дала и даетъ такія достиженія, которыя, послѣ Св. Софіи Константинопольской, являются безспорно первыми и несравнимыми не только на Востокѣ, но, можно смѣло сказать, и во всемъ христіанскомъ мірѣ. Величіе и убранство русскихъ храмовъ, пышность ихъ утвари, тончайшее мистическое искусство русской иконы, несравненная, чарующая, покоряющая красота церковнаго пѣнія, особая религіозная красота и ритмичность исполненія богослужебныхъ церемоній въ главныхъ соборахъ и монастыряхъ, необычайное литургическое благочестіе народа — все это въ совокупности есть единственный въ своемъ родѣ творческій фактъ въ историческомъ осуществленіи Церкви.

Прославленіе множества святыхъ въ духѣ и стилѣ этого культоваго аскетическаго благочестія и чѣмъ ближе къ нашимъ днямъ (XVIII, XIX и XX вв.), тѣмъ въ большемъ количествѣ, канонизованныхъ и еще не канонизованныхъ, есть неотразимое самосвидѣтельство Русской Церкви. Среди русскихъ святыхъ своеобразно новую серію составляютъ святые старцы, мистики и вмѣстѣ писатели: св. Димитрій Ростовскій, Тихонъ Задонскій, Теофанъ Затворникъ, о. Іоаннъ Кронштадтскій, о. Амвросій Оптинскій и др. Завершаютъ эти ряды тысячи новѣйшихъ мучениковъ, принесенныхъ въ жертву кровавому Молоху коммунизма. Это небесная слава Русской Церкви и ея благодатная сила, вдохновляющая ее къ совершенію ея исторической миссіи — возглавленія всего православія.

Объективнымъ основаніемъ для такой миссіи Русской Церкви, свидѣтельствомъ ея исторической зрѣлости служить ея богословская наука и творческая богословская мысль. По сравнительной молодости русской науки (менѣе трехъ столѣтій) она количественно уступаетъ богатству наукъ римско-католической и протестантской, но качественно богословскіе труды ученыхъ четырехъ русскихъ Духовныхъ Академій и отчасти Университетовъ стоятъ на міровомъ уровнѣ и неизмѣримо превосходятъ во всѣхъ отношеніяхъ отсталую или очень молодую богословскую науку другихъ православныхъ странъ. Отличительную черту русскаго богословскаго творчества, на фонѣ древняго и новаго православія, составляетъ почти невѣдомое другимъ православнымъ церквамъ выдающееся участіе въ русскомъ богословіи мірянъ и свѣтскихъ писателей. Назову два общественныхъ имени: А. С. Хомякова и В. С. Соловьева, не упоминая другихъ, въ томъ числѣ нашихъ современниковъ. Это — многообъщающій показатель встрѣчи въ Россіи и возможнаго синтеза культуры свѣтской и церковной. При мистически глубокомъ отчужденіи Восточнаго Православія отъ интересовъ культуры и жгуче волнующаго нашу эпоху соціального строительства, только въ творческихъ порывахъ русскаго богословія просвѣчиваетъ надежда на живую постановку и дерзновенное разрѣшеніе этихъ новыхъ для Церкви проблемъ внутри Православія. Тамъ, гдѣ сама общая литература (Гоголь, Достоевскій, Лѣсковъ) православно церковна, гдѣ философія только христіанская, и другой нѣтъ (Карповъ, Кудрявцевъ, Каринскій Несмѣловъ, Трубецкой, Лопатинъ, Лосскій, Франкъ, Булгаковъ, Бердяевъ, Флоренскій, Зѣньковскій), тамъ и Церковь незамѣтно, любовно входитъ въ гущу новѣйшаго идейнаго и соціального творчества. За этой небывалой еще въ новѣйшемъ православіи силой

идейнаго полета (и при томъ чуждаго легкомысленнаго модернизма) съ увлеченіемъ слѣдуютъ и богословы другихъ младшихъ по культурѣ православныхъ церквей. Надъ древними же территоріями Востока даже не вѣетъ это многообѣщающее дыханіе животворящаго возрожденія Православія.

Меня спросятъ: сознаю ли я, что столь широкія упованія я связываю съ русской церковью въ то время, какъ она почти заколочена въ гробу большевиками? Да, именно я говорю это съ полнымъ сознаниемъ, что сейчасъ для насъ страшная ночь Великой Пятницы, когда «Жизнь запечатана въ гробѣ». Но мы знаемъ, что скоро наступитъ «третій день» — день Воскресенія. Мы — вѣруемъ. Предоставляемъ иначе думать невѣрующимъ.

* * *

Какъ же сбалансировать въ общемъ итогъ историческіе успѣхи и неуспѣхи всей Церкви? Прежде всего — безъ всякаго пессимизма предъ неуспѣхами. Вся священная исторія трагична, катастрофична, кенотична. Путь къ конечному торжеству Царства Божія пролегаетъ *per aspera*. Сейчасъ власть надъ земнымъ шаромъ и надъ человѣчествомъ принадлежитъ не Церкви. Ея патріархальныя теократическіе опыты прошлаго разрушены временемъ. Язычество, атеизмъ, секулярная культура господствуютъ надъ міромъ. Церкви надо возсоздавать свою духовную власть надъ людьми новыми путями и новыми методами. Новое «воинствованіе» Церкви «воинствующей» для побѣды надъ гегемоніей въ человѣчествѣ секулярной культуры должно быть безъ самообольщенія и сомнѣнія признано грандіознѣйшей и труднѣйшей задачей, превосходящей по трудности прежнюю побѣду Церкви надъ Римской имперіей. Для этой борьбы Церковь еще не собрала всѣхъ своихъ силъ. Однимъ изъ первыхъ актовъ ея боевой мобилизаціи должно быть прекращеніе междоусобной войны между христіанскими исповѣданіями, прекращеніе соблазна раздора церквей.

А. Карташевъ.

9. VI. 1934.